

УДК 338.22

DOI: 10.17223/19988648/41/5

Р.А. Эльмурзаева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ «ЗАХВАТА ГОСУДАРСТВА»¹

Статья посвящена исследованию концепции «захвата государства», обусловленного бесконтрольным злоупотреблением властью и государственными ресурсами в целях извлечения ренты определенными группами интересов. Приводится описание трансформации концепции «захвата государства», демонстрирующей сочетание формальной и неформальной практик взаимодействия бизнеса и государства. Это позволило раскрыть институциональную природу «захвата государства», выявить основные механизмы и последствия для государства, бизнеса и общества в целом, обозначить перспективы для разработки или выбора мер оптимизации государственного хозяйствования.

Ключевые слова: взаимодействие государства и бизнеса, «захват государства», группы интересов, экономическая политика.

Сегодня очевиден сдвиг российской экономической политики в сторону усиления роли государства, более активно реализующего интервенционистские функции, связанные с необходимостью преодоления последствий глобального финансового кризиса и действующих ограничительных мер со стороны стран Евросоюза и США. Однако рост влияния государства происходит скорее не в силу внешних угроз, а является результатом взаимодействия бизнеса и государства при реализации институциональных реформ в государственном и частном секторах экономики. По оценкам РАН социологии, 69% населения, оценивая двадцатилетний период реформ, считают, что «истинной целью реформ был захват власти вторым эшелоном советской номенклатуры и перераспределение в его пользу общенародной собственности» [1. С. 15]. Столь негативное отношение продиктовано ухудшением уровня жизни населения и диспропорциями, сложившимися в ключевых сферах жизнедеятельности общества и государства. Так и в научном сообществе утвердилась точка зрения, согласно которой формирование бизнес-среды находится под влиянием ограниченного числа предпринимательских структур, подкрепленных наличием стимулов для расширения сферы регулирования со стороны представителей государственных органов. Они имеют уникальный ресурс в виде монополии власти, что позволяет получать контроль над значительными экономическими активами.

Соблюдение и поддержание неформальных практик взаимодействия бизнеса и государства в точности отражает модели взаимодействия от «не-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-010-00340 А «Бизнес-модель компаний как основа формирования общих ценностей и социального капитала».

видимой», «поддерживающей» до «грабящей руки», демонстрирующие избирательность разработки, исполнения и защиты «правил игры» [2]. Указанное обстоятельство предопределило становление концепции «захвата государства» (state capture), воспроизводящей такое состояние, при котором экономическая политика отвечает потребностям узких групп интересов на основе двустороннего или многостороннего сговора, как правило, из государственного и частного секторов.

В теоретическом плане концепция «захвата государства» является чисто нормативной: она используется для анализа отклонений от определенной социально-экономической модели, порождаемой коррупционными отношениями. Это автоматически подразумевает, что в разных обществах и странах отличны механизмы и результаты «захвата государства». Концепция наиболее подходит для анализа обществ, в которых общепринятым нормативным идеалом является принцип либерального социального порядка в сочетании с неолиберальной экономической моделью. Отклонения от этой модели могут различаться, но имея в основе злоупотребление власти, они представляют собой «захват государства» в различных формах, в зависимости от активной стороны в этом процессе. В значительной степени формы и тип «захвата государства» определяются этими группами интересов и их относительной силой.

Подобная трактовка «захвата государства» базируется на тематических исследованиях условий бизнес-среды, формализованных в серии проектов международных организаций, направленных на поиск причин, препятствующих темпам продвижения экономических реформ и реализации их отдельных направлений, разработке и внедрению новых институтов и эффективной реализации экономической политики.

Наиболее масштабным явился проект изучения страновых условий ведения бизнеса и деятельности предприятий The Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) по инициативе Всемирного банка совместно с Европейским банком реконструкции и развития [3]². За время существования данного проекта (с 1999 г.) выросло с 22 до 32 число стран с переходной экономикой в Восточной Европе и Центральной Азии³. В 2013–2014 гг. аналогичное решение предпринято на примере стран

² Инициированный в 2002 г. проект «Doing Business» направлен на межстрановое сопоставление условий ведения бизнеса и качества государственного регулирования предпринимательской деятельности в 190 странах мира. Отличием этого проекта от вышеуказанных является ориентация исследования на анализ затрат, требований и процедур, с которыми сталкивается бизнес с последующей разработкой направлений реформ по преодолению административных и иных барьеров со стороны государства при ведении предпринимательской деятельности.

³ Анализируемые страны: Чехия, Латвия, Литва, Венгрия, Польша, Эстония, Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Словакия, Словения, Хорватия, Косово, Македония, Монтенегро, Румыния, Сербия, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Украина, Узбекистан, Монголия, Кипр, Греция, Турция, Россия.

Ближнего Востока и Северной Африки проект «Middle East and North Africa, MENA ES»⁴ в связи с серьезными внутренними и внешними политическими, социально-экономическими потрясениями [4].

На основе эмпирических данных Д. Кауфманн, Дж. Хеллман, Дж. Джонс, П.К. Висенте, М. Шанкерман и ряд других авторов обозначили новый исследовательский подход, заключающийся в одновременном изучении взаимоотношений между бизнесом и государством как результата государственного и корпоративного управления, и в частности способности государства формировать бизнес-среду эффективным и недискриминационным способом.

Государство рассматривается как регулятор общественно-экономических институтов, создающий условия ведения предпринимательской деятельности. Сформированная таким образом регуляторная среда – нормативно-правовая – описывает формальные отношения между государством и бизнесом в результате реализации государственных функций во вверенной государственному органу сфере, сопровождаемые определенными издержками для бизнеса. В частности, основными компонентами такой среды являются:

- доступность информации о правилах и регуляциях;
- последовательность и предсказуемость норм и правил;
- регуляторное бремя: чрезмерное регулирование бизнеса, налагаемое действующим налоговым, таможенным, трудовым, экологическим и иным законодательством;
- издержки времени, затрачиваемые для контактов с государственными органами;
- частота и уровень коррупции, сопряженные с получением государственных услуг;
- бюрократическая подотчетность.

Межстрановое сопоставление регуляторной среды показало наличие ограничений для ведения бизнеса со стороны государства: чрезмерный уровень вмешательства государства, нестабильность экономической политики, налогообложение и налоговое администрирование, изменчивость обменного курса, финансовая нестабильность, инфляция, функционирование судебной системы, преступность, неадекватная инфраструктура, антиконкурентная практика, коррупция и «коррупционный налог» [5]. Все это подчеркивает обременительное вмешательство государства в процесс принятия решений в частном секторе с точки зрения формального воздействия.

В то же время эффективность деятельности государства по формированию условий для предпринимательской деятельности определяется имеющимся характером и масштабом взаимодействия между бизнесом и государством. Существующие как формальные, так и неформальные нормы и практики взаимодействия государства и бизнеса описывают две очевидные тенденции:

⁴ Анализируемые страны: Джибути, Арабская Республика, Египет, Иордания, Ливан, Марокко, Тунис, Западный берег и Газа, Йемен.

– наличие ограничений со стороны государства для ведения предпринимательской деятельности с точки зрения инвестиционной и инновационной активности, доходности и производительности бизнеса, актуализирующих вопросы эффективности и качества государственного управления;

– влияние групп интересов (предпринимательских и государственных структур) на формирование и реализацию направлений экономической политики, сопровождаемое искажениями конкуренции и иными неблагоприятными противоречивыми социально-экономическими последствиями для общества.

В таком ракурсе выделяются три различных, но потенциально перекрывающихся типов взаимодействия между бизнесом и государством [5]:

а) «захват государства»: усилия групп интересов (бизнеса или частных лиц) по формированию «правил игры» посредством неофициального и непрозрачного воздействия и предоставления личных благ официальным должностным лицам;

б) влияние на государственные органы и учреждения: усилия групп интересов бизнеса по продвижению необходимых «правил игры» посредством лоббирования, членства в торговых и промышленных ассоциациях;

в) административная коррупция: незаконные и непрозрачные платежи, взимаемые должностными лицами для изменения соблюдения предписанных «правил игры».

Склонность к выбору того или иного типа взаимодействия между государством и бизнесом определяется различными детерминантами: масштабом деятельности бизнеса, происхождением и формой собственности, рыночной властью, бюрократическим доступом, защитой прав собственности и контрактов, предполагаемыми выгодами (таблица).

«Захват государства» рассматривается как фундаментальная проблема, ведущая к росту социальных издержек для стран с переходной экономикой. Хеллман, Джонс и Кауфманн на основе регрессионного анализа данных показали, что в случае захвата государства группы интересов формируют необходимую институциональную среду посредством использования скрытых (неофициальных) каналов влияния на публичных должностных лиц с последующим предоставлением выгод [6]. Это происходит при отсутствии четких границ между политическими интересами и бизнес-интересами государственных служащих, заменяя законные и прозрачные каналы политического влияния и представительства интересов, что является характерной особенностью многих стран с переходной экономикой.

Среди ключевых участников, стремящихся «захватить» государство, выделяют прежде всего представителей исключительно крупного бизнеса. Так, государственные и приватизированные предприятия используют административный ресурс благодаря унаследованным формальным связям. Сравнение между государственными и приватизированными предприятиями также предполагает, что приватизация помогла «деполитизировать» предприятия с точки зрения снижения государственного контроля, но не нарушила между бизнесом и государством финансовые и профессиональные связи.

Детерминанты взаимодействия бизнеса и государства

Детерминанты взаимодействия	«Захват государства»	Влияние	Административная коррупция
Масштаб бизнеса	Крупный бизнес	Крупный бизнес	Малый и средний бизнес
Происхождение и форма собственности	Государственные, приватизированные предприятия. Вновь образованные хозяйствующие субъекты	Государственные и приватизированные предприятия	Малый и средний бизнес. Более высокий уровень выплат у вновь образованных хозяйствующих субъектов в сравнении с приватизированными предприятиями
Рыночная власть	Предприятия (организации) со значительной рыночной властью	Предприятия (организации) со значительной рыночной властью	Предприятия (организации) с незначительной рыночной властью
Бюрократический доступ (наличие возможности выбора должностного лица, не прибегая к частным выплатам)	Отсутствует	Имеется, обусловлен историческим наличием формальных связей с государственным органом	Отсутствует
Защита прав собственности и контрактов	Индивидуализированная, возникающая при отсутствии гарантии имущественных прав	Надежная, обеспечиваемая историческим наличием формальных связей	Отсутствует
Предполагаемые выгоды	Конкурентные преимущества для конкретных предпринимательских структур	Конкурентные преимущества для бизнес-сообщества в определенной сфере	Доступ к получению услуг при реализации государственных функций

Особенно высокие стимулы к «захвату государства» имеют новые хозяйствующие субъекты, инвестиционная деятельность которых в большей мере направлена на открытие новых заводов и разработку новых продуктов. Такие субъекты стремятся преодолеть существующие барьеры на рынке, которые связаны с административной коррупцией и неопределенностью контрактных прав, причем чем она выше, тем больше склонность к оказанию влияния. Вполне естественно, что малый бизнес не склонен принимать участие как в «захвате государства», так и во влиянии из-за отсутствия прямого доступа к государственным должностным лицам и потенциальных выгод для оправдания подобной деятельности.

Авторы отмечают, что реальные масштабы «захвата государства» явно недооценены из-за наличия теневой экономики и отсутствия или недостаточного раскрытия данных о финансово-хозяйственной деятельности бизнеса, однако позволяют охарактеризовать уровень захвата экономики на

основе индекса захвата экономики (Index of the Capture Economy) [6]. Данный индекс рассчитан как средняя арифметическая установленных факторов «захвата государства»: продажа парламентских голосов и президентских указов при нормотворчестве в частных интересах, деятельность Центрального банка, продажа судебных решений по арбитражным и уголовным делам, финансирование политических партий и избирательных кампаний (в большей мере носящее неофициальный характер); «патронаж»: назначение родственников, друзей и иных близких лиц на официальные должности, взятки, выплачиваемые государственным служащим для уклонения от соблюдения предписанных законодательно правил.

Высокие темпы роста «захватчиков» (фактический рост продаж, инвестиций и занятости) наблюдаемы при наличии значительных конкурентных барьеров со стороны действующих влиятельных предприятий для экономик с высоким уровнем захвата. Выгоды подобного захвата являются неопределенными в долгосрочном периоде и существенно ниже в странах с низким значением.

Очевидна опасность такой экономики захвата для долгосрочного развития захвата. Новый, динамично развивающийся бизнес имеет сильный стимул вкладывать свои ресурсы в «захват государства», а не в разработку инновационных продуктов или методов производства, чтобы успешно конкурировать в искаженной среде. Кроме того, бизнес вынужден искать неформальные отношения «один на один» с государственными должностными лицами для представительства своих интересов. Такая экономика попадает в замкнутый круг, в котором политические и институциональные реформы подрываются сговором между представителями крупного бизнеса и государственными должностными лицами. Таким образом, концепция «захвата государства» изначально была ориентирована на рассмотрение воздействия влиятельных групп интересов на государственные органы и учреждения с позиции проблем, сдерживающих прогресс институциональных преобразований и формирования бизнес-среды, послуживших границей в области анализа качества управления и коррупции на всех уровнях экономики.

Фатальность «захвата государства» заключается в преднамеренном искажении процесса разработки и реализации правил игры, тождественном «приватизации государственной политики» [7]. Это приводит нас к понятию симбиоза в «захвате государства» двух популярных направлений экономической теории – «провалов государства» и «регуляторного захвата», согласно которым в результате влияния политически эффективных групп интересов при формировании и реализации политики происходит подмена общественных интересов на частные, неизбежно приводя к социальным издержкам.

В дальнейшем концепция «захвата государства» работает не только в контексте формирования условий для благоприятной предпринимательской среды, но и оказывает статистически значимое воздействие на приток прямых иностранных инвестиций в экономику [8], тем самым снижая конкурентоспособность и безопасность государства, обнажая проблемы инве-

стиционного и институционального климата относительно положения на страновом или глобальном уровне. Имеющиеся эмпирические данные более чем 80 стран свидетельствуют о том, что существует очень большой разрыв состояния инвестиционного климата между странами, где преобладает государственный контроль или другие связанные с ним формы влияния нескольких компаний, формирующих инвестиционный климат, и странами, в которых «захват государства» рассматривается как относительная проблема [9].

Отметим, что «захват государства» происходит на ранних этапах переходного периода в момент разработки и введения нового законодательства и институтов, перераспределения прав собственности на практически нерегулируемом рынке. Преднамеренность формирования неэффективных «правил игры» свойственна не только переходным экономикам, но и более развитым странам G7 и ОЭСР. Здесь «захват государства» рассматривается как высшая форма коррупции – правовая (*legal corruption*), часто недооцениваемая, но наиболее распространенная, в отличие от популярной административной коррупции в обычном понимании (злоупотребление должностными полномочиями для личной выгоды) [10]. В основе правовой коррупции находится взаимовыгодный обмен между членами элиты и разработка соответствующего законодательства в части предоставления преференциального режима (для бизнеса), поддержки избирательной кампании политиков, преемственности власти и назначение (перемещение) лиц правящей элиты на публичные должности.

Авторы сконцентрированы в большей мере не на вопросах применения коррупционного законодательства, а на разработке корпоративных и государственных кодексов этики, как неотъемлемой части повышения качества управления. При этом формы проявления правовой коррупции могут носить и законный характер, например финансирование предвыборных компаний посредством творческого переосмысления и использования пробелов действующего законодательства, фаворитизм при государственных закупках и др. Это свидетельствует о том, что подобный тип коррупции не стал массовым явлением (не включает в себя крупные группы населения), но относится к субъектам экономики (чаще всего коллективным субъектам, включая сети), обладающим высокой властью, значительными ресурсами и потенциалом влияния.

Объективное усложнение взаимоотношений бизнеса и государства проявляется в кластеризации агентов внутри государства и появлении партийных и политических элит и их комбинаций [12]. Это приводит к наблюдаемой монополии правящей элиты, использующей правовые и организационные средства для сохранения власти, характерной для посткоммунистических стран (таких как Польша, Венгрия, Словения, Эстония), и финансово-ресурсной монополии, позволяющей стабильно извлекать рентные платежи (Болгария, Румыния, Латвия, Чехия и другие страны) [13]. Активную роль в этих случаях играют государственные должностные лица, сети должностных лиц или политические партии посредством:

- ограничения и исключения политической конкуренции;
- исключения возможности учета множественных предпочтений, мнений и предложений различных групп интересов и манипуляции ими;
- слабой развитости формальных каналов политического влияния и представительства интересов в политике со стороны бизнеса;
- низкой организации разнонаправленных интересов со стороны гражданского общества.

В то же время обозначенная типология «захватчиков» рассматривается исключительно с позиций бизнеса и государства, не затрагивая стимулов влияния иных групп интересов (в том числе имеющих сетевую структуру). Так, крупный бизнес извлекает предпринимательскую ренту посредством закрепления формальных норм, затрагивающих регулирование предпринимательства и социальной сферы, обеспечивающего привилегированный статус на рынке.

Государственные учреждения законодательной, исполнительной и судебной власти руководствуются получением коррупционной ренты: изъятия части предпринимательской ренты и формирования отдельных секторов экономики, подконтрольных иерархии/сети должностных лиц. Основными инструментами являются:

- приватизация;
- национализация;
- экспроприация «привлекательных» активов;
- манипуляция и торговля государственным имуществом;
- прямое хищение бюджетных средств;
- привилегированный доступ к государственным ресурсам;
- реализация государственных контрактов и тендеров, в том числе в интересах третьих лиц;
- создание специальных институтов (проектов), финансируемых из бюджетных средств;
- ненадлежащее исполнение действующего законодательства;
- блокирование расследования или судебного разбирательства, освобождение от судебного преследования;
- и ряд других.

Что касается групп интересов, сформированных из политических партий, государственных должностных лиц/сетей, то мотивом является получение политической ренты в виде электоральной поддержки на выборах (финансирование избирательной кампании, пропаганда) и обеспечения преемственности власти и назначение (перемещение) лиц правящей элиты на публичные должности (в духе «вращающихся дверей»). Влияние таких групп интересов распространяется на разработку внутренней экономической политики и внешнеполитических решений (представительство групп интересов на мировом рынке, изменение и заключение международных соглашений).

В основе достижения преимуществ для групп интересов со стороны государства находится внушительный арсенал инструментов принуждения к действиям других субъектов экономики, к числу которых относятся:

- реализация нормативно-правовых актов (невыполнение) в пользу определенных групп интересов;
- предоставление незаконного доступа к информации и манипулирование ею;
- избирательность правоприменения;
- преднамеренное торможение (вынуждение к действиям);
- прямое злоупотребление ресурсами (растрата, мошенничество, хищения);
- конфликт интересов: наличие родственных и иных социальных отношений;
- кумовство: назначение родственников на должности в государственной службе или принятие решений в их пользу;
- клиентелизм: одноразовые или систематические управленческие институциональные решения в пользу определенных лиц;
- фаворитизм: одноразовые или регулярные управленческие институциональные решения в пользу лиц той же политической принадлежности и иных неличных отношений;
- традиционные формы: деньги, подарки, оказание услуг;
- вращающаяся дверь;
- вынуждение к действиям в пользу институциональных субъектов, а не в пользу должностного лица.

Исключительно нетривиальное представление о захвате формируют Р. Ди Телла, Э. Даль Бо, согласно их наблюдениям, группы интересов могут использовать инструменты неявного влияния на политика и его репутацию, среди которых востребованными являются воздействие на общественное мнение в СМИ посредством размещения «разоблачающей» информации, инициация судебного преследования, связанного с незаконностью или административной некомпетентностью политика, предъявление обвинений о реальных или фиктивных преступлениях, а также угроза физического насилия, вынуждение к отставке, увольнению и даже военному перевороту [14].

Однако, на наш взгляд, данный список можно расширить за счет групп интересов бизнеса «вне закона» с явно выраженным сетевым характером. Речь идет о предпринимательских структурах криминальной экономики, систематически нарушающих действующее законодательство (ведение запрещенных видов предпринимательской деятельности, допуская использование силовых методов) для последующей легализации доходов, полученных преступным путем. Такой вид захвата обеспечивает преференциальный режим не через содержание законов, а через способность нарушать (блокировать) их исполнение на регулярной основе. По сути, захват такими криминальными структурами ориентирован на государственные органы, которые должны противодействовать подобной незаконной деятельности.

В качестве примера можно привести ряд таких государств с ярко выраженным характером влияния подобных групп интересов наркобизнеса на национальном уровне, как Афганистан, Гватемала, Боливия, Венесуэла,

Колумбия, Лаос, Мьянма (Бирма), Пакистан, Перу и др. Нельзя игнорировать тот факт, что определенные проявления влияния подобных групп интересов характерны и для развитых стран, среди которых Аргентина, Бангладеш, Бельгия, Испания, Канада, Мексика, Нидерланды, США, Чехия, Швейцария и др. Но что интересно, провокационный призыв к преодолению «ложного восприятия потребления наркотических средств» со ссылкой на защиту прав человека звучит в докладе Глобальной комиссии по наркотической политике [15]. Признавая отрицательное воздействие наркотиков на людей, комиссия призывает к реформам декриминализации подобной деятельности без целей сбыта и прекращению «репрессивной политики» в данной сфере со стороны международного сообщества. Это предложение, на наш взгляд, является иллюзорным, поскольку для реализации такого посыла необходимы эффективные действующие институты, позволяющие координировать подобные меры как на национальном, так и на международном уровне – фактически отсутствующие в настоящее время.

Также стимулами к «захвату государства» обладают и группы интересов религиозной направленности как с положительным уровнем воздействия – служения духовным, эмоциональным и другим жизненным потребностям членов общества, так и с разрушающим – организации и движения экстремистской направленности, действующие от имени религии. Между тем показательной является недавно проведенная оценка экономической ценности религиозных организаций (образовательных организаций выраженной религиозной принадлежности, религиозных общин различных конфессий, благотворительных фондов, предприятий пищевой индустрии, медиаструктур) для общества США, генерирующих более трети триллиона долларов ежегодно (378,3 млрд долл.), что превосходит ежегодные доходы мировых гигантов Apple и Microsoft [16].

Формируя особый религиозный рынок, несомненно имеющий важное социально-экономическое значение для общества, подобные группы интересов функционируют в особом ключе, в отличие от подавляющего большинства общественных организаций. Для них характерно отсутствие налогообложения деятельности, связанной с реализацией предметов и продукции религиозного назначения, принадлежащего имуществу (включая денежные средства), наличие существенных льгот исходя из уставных целей деятельности, получение от государства в безвозмездное пользование имущества, бесплатное выделение земельных участков под строительство объектов религиозного назначения с последующим административным сопровождением, формирование фондов за счет благотворительных пожертвований и добровольных взносов, функционирование собственных банковских организаций и реализация программ, составляющих часть культурной политики государства.

Изучение поведения в «захвате государства» последних типов групп интересов затруднено в силу отсутствия публичных статистических данных, неполноты, непрозрачности и методологической несостоятельности публикуемых данных.

Западные исследования ориентированы на поиск ограничений, препятствующих реализации институциональных реформ, и оценку влияния государственной политики на условия ведения бизнеса. Интерес к использованию термина не угасает и в настоящее время с позиции решения внешнеполитических проблем. Например, принятие политики, направленной на борьбу с коррупцией и «захватом государства», является условием и требованием при вступлении восточноевропейских государств в Европейский союз. После предоставления разрешения на вступление статус-кво правящих элит, первоначально сформировавшихся в процессе приватизации, изменился и сохраняется стимул в поддержании принятых обязательств, в том числе в связи с набором санкций, применяемых для наказания за нарушения Копенгагенских критериев [17. С. 389–390]. Хотя большинство анализируемых стран добилось определенного прогресса в принятии формальных демократических институтов и институтов рыночной экономики, они по-прежнему рассматриваются как функционирующие в особом ключе (приносят пользу некоторым за счет всех), а не в соответствии с универсальными принципами обеспечения общественных благ.

В исследованиях российских ученых термин «захват государства» не получил широкого распространения, однако в поле научной полемики без преувеличения вошли все вышеуказанные особенности «захвата государства». В России последовательно выделяются два параллельных процесса, происходящих в стране: «захват государства» и «захват бизнеса», который применяется для описания государства, незаконно контролирующего и осуществляющего чрезмерное влияние на бизнес. Так, Е.Г. Ясин выделяет три зоны вмешательства государства, в основании которых находятся как формальные, так и неформальные отношения с бизнесом [18]:

- «белую зону»: наличие формальных административных барьеров;
- «серую зону»: неформальное воздействие государства посредством принуждения бизнеса к осуществлению социально значимой деятельности (взносы в создаваемые фонды, реализация по сути государственных функций бизнесом);
- «черную зону» (коррупцию): неформальное воздействие отдельных государственных должностных лиц/коррупционных сетей за счет злоупотребления властными полномочиями.

Возникновению подобных взаимоотношений способствуют логика и последовательность реализуемых государством мероприятий по приватизации государственных и муниципальных предприятий и мер, направленных на сокращение доли государства в конкурентных секторах экономики. Данный аспект подробно освещается в ракурсе институциональных проблем в работах В.А. Мау, М.Г. Кузыка, А.Д. Радыгина, Р.М. Энтова, Г.Н. Мальгинова, Ю.В. Симачева, Г.У. Ильясовой, А.Е. Абрамова и ряда других российских ученых.

Произошло активное становление государственного предпринимательства с самоидентификацией государственных структур в качестве эффективного собственника. Об этом свидетельствует имущественная экспансия

государства в частный сектор экономики – становление институтов развития и государственных корпораций. Государство имеет явное преимущество при формировании «правил игры» за счет асимметрии формальных и неформальных практик взаимодействия бизнеса и государства в пользу последнего – «капитализм для своих» [19. С. 104–105]. Подобный «бюрократический капитализм» отвечает интересам прогосударственных компаний (государственных и бизнес-структур, демонстрирующих лояльность к государственным структурам) и аккумулирует значительный сегмент российской экономики, в перспективе неизбежно приводя к подавлению рыночной конкуренции.

Другая группа исследователей исследует становление и этапы развития российского крупного бизнеса. Так, например, Я.Ш. Паппэ, Я.С. Галухина иллюстрируют истоки экспансии государства [20]. С одной стороны, сам процесс формирования и укрупнения российского бизнеса как такового практиковал непрозрачные и неформальные каналы взаимодействия между предприятиями как защитную реакцию от несовершенства законодательства и уход от конфликта с государством. Одновременно демонстрировал силу влияния олигархической элиты, определявшей нормы политической, экономической и социальной жизни того времени на основе тесной связи с государством, обеспечивавшим эксклюзивные права действия на рынке.

С другой стороны, возросла роль региональных элит в укреплении контроля со стороны государства над бизнесом. Этот вопрос получил развитие в работах Н.В. Зубаревич, раскрывшей пространственный срез развития крупного бизнеса. Действовавшая система административного предпринимательства позволяла осуществлять обмен лояльного отношения государства на региональном и местном уровнях на контроль над активами бизнеса [21].

Стремление защитить свой бизнес подтверждает тактика вхождения в депутатский корпус региональных и городских законодательных собраний [21, 22]. Также широко распространенной практикой являлось одновременное обладание статусом государственного должностного лица (губернатора, депутата) и бизнеса в одном лице, тем самым обеспечивая сращивание государства и бизнеса [23].

В схожем ключе исследуются инвестиционные стратегии крупного бизнеса, движимого исключительно интересами размещения капитала в регионах исходя из отраслевой специфики и высокой инвестиционной привлекательности территорий [24]. Социолог А.Е. Чирикова отмечает зависимость границ социальной ответственности бизнеса при взаимодействии с государством. Такие отношения по-прежнему имеют защитный характер, строятся на неформальных договоренностях между бизнесом и властью, привлекающей на «добровольной» основе социальные инвестиции на поддержание региональной или местной инфраструктуры, содержание объектов социальной сферы, участие в спонсорстве и др. В то же время наблюдаем и обратный эффект влияния крупного бизнеса на государство, если предприятие является градообразующим, позволяющим самостоятельно устанавливать характер социальных инвестиций в обмен на компенсацию со стороны государства [25].

Кризис 1998 г. привел к фактической ликвидации источников финансирования деятельности крупного бизнеса, вынуждая искать новые источники для роста и формирования устойчивых связей с государством. Исследователи констатируют, что с 2000 г. происходит смена модели «партнерства» на модель «доминирования государства» [20]. Этому способствовали выстраивание жесткой вертикали власти, ослабление влияния олигархов («семибанкирщины») на политические процессы, установление единых «правил игры» для бизнеса и декларация принципа равноудаленности власти от бизнеса. Именно здесь начинается новая точка отсчета добровольно-принудительного слияния (срачивания) крупного бизнеса с государством на фоне благоприятной конъюнктуры мирового рынка.

Эволюция взаимодействия российского бизнеса и государства приведена в работах А.А. Яковлева. Автор показывает две модели взаимодействия бизнеса и власти – «дистанцирования от государства» и «интеграции с государством», определяемые издержками ведения бизнеса и эффективностью государственных институтов [26. С. 29]. Размытость полномочий между федеральным и региональными уровнями государственного устройства сформировала «административную модель управления экономикой», основанную на неформальных связях регулятора в лице государственных органов управления и групп интересов бизнеса.

Обладея экономическими ресурсами, первоначально бизнес получал необходимые меры политики в условиях отсутствия профессиональных знаний, опыта и финансовых ресурсов у государства. С течением времени управленческий опыт, заимствованный у бизнеса, привел к четкой самоидентификации регулятора как самостоятельной группы интересов, извлекающей ренту из бизнеса и использующей бюджетные ресурсы и государственную собственность в иных, не связанных с функцией государства целях. Подобное расширение экономического влияния государства естественным образом «вынуждает» российский бизнес выходить из сферы контроля государства посредством:

- продажи активов иностранным компаниям;
- усиления темпов вывоза капитала;
- ухода в теневую экономику;
- распространения механизмов государственно-частного партнерства.

Это обуславливает конфликт взаимодействия не только бизнеса и государства, но и сопряженный с ним конфликт в самом бизнесе, вынужденном нести дополнительные издержки по сохранению и поддержанию конкурентных позиций ввиду отсутствия равноправного представительства своих интересов и стимулов совершенствования корпоративной практики управления, основанной на стратегическом видении. Как следствие, сформировавшийся формат ведения бизнеса в России опосредует принимаемые государством усилия по достижению целевых приоритетов социально-экономического развития государства.

В заключение отметим, что взаимодействие бизнеса и государства в России соответствует логике трансформации «захвата государства», что

настоятельно требует в сжатые сроки гармонизации отношений бизнеса и государства путем дальнейшей кодификации хозяйственной жизни и развития оценки регулирующего воздействия.

Литература

1. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналитический доклад / Институт социологии Российской академии наук. М., 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (дата обращения: 11.11.2017).*
2. *Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // The American Economic Review. 1997. Vol. 87, № 2. P. 354–358.*
3. *BEEPS: European Bank for Reconstruction and Development. 2000–2017. URL: <http://ebrd-beeps.com/> (access date: 11.11.2017).*
4. *What's Holding Back the Private Sector in MENA? Lessons from the Enterprise Survey. The European Bank for Reconstruction and Development, the European Investment Bank, and the International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2016. 139 p.*
5. *Hellman J., Jones G., Kaufmann D., Schankerman M. Measuring governance and state capture: the role of bureaucrats and firms in shaping the business environment // European Bank for Reconstruction and Development. 2000. Working Paper № 51. 51 p. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0051.pdf> (access date: 11.11.2017).*
6. *Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31, is. 4. P. 751–773.*
7. *Hellman J., Schankerman M. Intervention, Corruption and Capture: The Nexus between Enterprises and the State // Economics of Transition. 2003. Vol. 8, is. 3. P. 545–576.*
8. *Jensen N. Economic reform, state capture, and international investment in transition economies // Journal of International Development. 2002. Vol. 14, is. 7. P. 973–977.*
9. *Batra G., Kaufmann D., Stone A.H. Investment climate around the world : voices of the firms from the world business environment survey (WBES). Washington, D.C. : The World Bank, 2003. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224501468765862983/Investment-climate-around-the-world-voices-of-the-firms-from-the-world-business-environment-survey-WBES> (access date: 11.11.2017).*
10. *Kaufmann D. Corruption, Governance and Security: Challenges for the Rich Countries and the World // Munich Personal RePEc Archive. October 2004. MPRA Paper No. 8207, posted 10. April 2008. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/8207/> (access date: 11.11.2017).*
11. *Kaufmann D., Vicente P. Legal Corruption // Munich Personal RePEc Archive. October 2005. MPRA Paper No. 8186, posted 10. April 2008. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/8186/> (access date: 11.11.2017).*
12. *Abby I. The Political Economy of State Capture in Central Europe // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52, № 1. P. 88–104.*
13. *Grzymala-Busse A. Beyond Clientelism Incumbent State Capture and State Formation // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41, № 4/5. P. 638–673.*
14. *Dal Bó E., Di Tella R. Capture by Threat // Journal of Political Economy. 2003. Vol. 111, № 5. P. 1123–1154.*
15. *The world drug perception problem 2017. Report countering prejudices about people who use drugs. Global Commission on Drug Policy. URL: http://www.globalcommissionondrugs.org/wp-content/uploads/2018/01/GCDP-Report-2017_Perceptions-ENGLISH.pdf (access date: 08.01.2018).*

16. *Grim B.J., Grim M.E.* The Socio-economic Contribution of Religion to American Society: An Empirical Analysis // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2016. Vol. 12. P. 1–31.

17. *Holtyer J.R.* Conditionality, compliance, and domestic interests: State capture and EU accession policy // *Review of International Organizations*. 2010. № 5(4). P. 387–431.

18. *Ясин Е.Г.* Новая эпоха – старые тревоги: экономическая политика. Фонд Либеральная миссия. М. : Новое издательство, 2004. 452 с.

19. *Радыгин А.* Государственный капитализм и финансовый кризис: факторы взаимодействия, издержки и перспективы // *Экономическая политика*. 2008. № 6. С. 88–105.

20. *Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С.* Российский крупный бизнес: первые 15 лет : экономические хроники, 1993–2008. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

21. *Зубаревич Н.В.* Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы : аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. М. : Поматур, 2005.

22. *Чирикова А.Е.* Власть в России в неформальной проекции: регионы и малые города // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Общественные науки»*. 2015. № 1 (1). С. 25–50.

23. *Крыштановская О.В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // *Социс*. 2002. № 8. С. 17–49.

24. *Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов / О.В. Кузнецова [и др.] ; под ред. О.В. Кузнецовой.* М. : URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. 439 с.

25. *Чирикова А.Е.* Государство и бизнес: взаимодействие на поле социальной политики в современной России // *Россия реформирующаяся*. 2012. № 11 С. 169–190.

26. *Яковлев А.А.* Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // *Российский журнал менеджмента*. 2005. Т. 3, № 1. С. 27–52.

Elmurzaeva R.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raissa@yandex.ru

THE INTERACTION BETWEEN BUSINESS AND GOVERNMENT: TRANSFORMATION OF "STATE CAPTURE"

Keywords: interaction between business and government, state capture, interest groups, economic policy.

Article is devoted to a concept research «state capture», the concept reveals uncontrolled abuse of power and public resources in order to extract rent by certain groups of interests. On the one hand, there are restrictions on the part of the government this updates the issues of efficiency and quality of public administration. From other side, the influence of interest groups (business and state structures) on the formation and implementation of economic policy areas prevails. This leads to distortion of competition and other contradictory socio-economic consequences for society.

The interpretation «state capture» is based on case studies of the business environment which were conducted by international organizations, research on the investment climate, competitiveness and security of the state. Description «state capture» involves a combination of formal and informal practices of interaction between business and government. The objective complexity of the relationship between business and government is evident, that there was a clustering of agents within the state-the emergence of party and political elites and their combinations. An active role in these cases is played by state officials, network officials or political parties with the use of a sufficient arsenal of tools to capture. The captor's typology is considered exclusively from the standpoint both business and government. Nevertheless, business structures of the criminal economy, groups of interests of religious orientation are also inclined to take part in process «state capture».

The interaction of business and the state in Russia corresponds to logic of transformation of the «state capture». The formation of the «rules of the game» is due to the asymmetry of

formal and informal practices of interaction between business and state in favor to state. This is evidenced by the experience of privatization and the formation of state entrepreneurship, when state understands itself as effective owner, also by stages of formation and development of large business in spatial and social aspects.

This causes a conflict of interaction not only between business and the state, but also a conflict with it in the business itself, because it carries additional costs to maintain and maintain competitive positions in the absence of equal representation of their interests and incentives to improve corporate governance practices based on strategic vision.

References

1. Dvadcat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov). Analiticheskij doklad. Institut sociologii Rossijskoj akademii nauk. M.: 2011. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (data obrashcheniya: 11.11.2017).
2. Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand//The American Economic Review. 1997. Vol. 87. № 2. P. 354-358.
3. BEEPS: European Bank for Reconstruction and Development. 2000-2017. URL: <http://ebrd-beeps.com/> (data obrashcheniya: 11.11.2017).
4. What's Holding Back the Private Sector in MENA? Lessons from the Enterprise Survey. The European Bank for Reconstruction and Development, the European Investment Bank, and the International Bank for Reconstruction and Development/ The World Bank, 2016. 139 p.
5. Hellman J., Jones G., Kaufmann D., Schankerman M. Measuring governance and state capture: the role of bureaucrats and firms in shaping the business environment/ Joel S. Hellman, Geraint Jones, Daniel Kaufmann, Mark Schankerman// European Bank for Reconstruction and Development. 2000. Working Paper № 51. 51 p.: European Bank for Reconstruction and Development. 2000-2017. URL: [http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0051.pdf/](http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0051.pdf) (access date: 11.11.2017).
6. Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the state, seize the day: state capture and influence in transition economies//Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. Issue 4. P. 751-773.
7. Hellman J., Schankerman M. Intervention, Corruption and Capture: The Nexus between Enterprises and the State// Economics of Transition. 2003. Vol. 8. Issue 3. P. 545-576.
8. Jensen N. Economic reform, state capture, and international investment in transition economies//Journal of International Development. 2002. Volume 14. Issue 7. P. 973-977.
9. Batra G., Kaufmann D., Stone A. H. Investment climate around the world : voices of the firms from the world business environment survey (WBES). 2003. Washington, D.C.: The World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224501468765862983/Investment-climate-around-the-world-voices-of-the-firms-from-the-world-business-environment-survey-WBES> (access date: 11.11.2017).
10. Kaufmann D. Corruption, Governance and Security: Challenges for the Rich Countries and the World// Munich Personal RePEc Archive. October 2004. MPRA Paper No. 8207, posted 10. April 2008. URL: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/8207/> (access date: 11.11.2017).
11. Kaufmann D., Vicente P. Legal Corruption// Munich Personal RePEc Archive. October 2005. MPRA Paper No. 8186, posted 10. April 2008. URL: <http://mpa.ub.uni-muenchen.de/8186/> (access date: 11.11.2017).
12. Abby I. The Political Economy of State Capture in Central Europe// Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. № 1. P. 88-104.
13. Grzymala-Busse A. Beyond Clientelism Incumbent State Capture and State Formation//Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. № 4/5. R. 638-673.
14. Dal Bó E., Di Tella R. Capture by Threat//Journal of Political Economy. 2003. Vol. 111. № 5. P. 1123-1154.

15. The world drug perception problem 2017. Report countering prejudices about people who use drugs. Global Commission on Drug Policy. URL: http://www.globalcommissionondrugs.org/wp-content/uploads/2018/01/GCDP-Report-2017_Perceptions-ENGLISH.pdf (access date: 08.01.2018).
16. Grim B. J., Grim M. E. The Socio-economic Contribution of Religion to American Society: An Empirical Analysis//Interdisciplinary Journal of Research on Religion. 2016. Vol. 12. P. 1-31.
17. Hollyer J. R. Conditionality, compliance, and domestic interests: State capture and EU accession policy//Review of International Organizations. 2010. № 5(4). P. 387-431.
18. Yasin E. G. Novaya ehpoza-starye trevogi: ehkonomicheskaya politika. Fond Liberal'naya missiya. M. : Novoe izdatel'stvo, 2004. 452 s.
19. Radygin A. Gosudarstvennyj kapitalizm i finansovyj krizis: faktory vzaimodejstviya, izderzhki i perspektivy//EHkonomicheskaya politika. 2008. № 6. S. 88-105. S. 104-105.
20. Pappeh YA. SH. Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let : ehkonomicheskie hroniki, 1993-2008/YA.SH. Pappeh, YA.S. Galuhina. M.: Izd. dom GU VSHEH, 2009.
21. Zubarevich N.V. Krupnyj biznes v regionah Rossii: territorial'nye strategii razvitiya i social'nye interesy. Analiticheskij doklad/Nezavisimyj institut social'noj politiki. M.: Pomatur, 2005.
22. Chirikova A.E. Vlast' v Rossii v neformal'noj proekcii: regiony i malye goroda//Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki». 2015. № 1 (1). S. 50-25.
23. Kryshantovskaya O.V. Transformaciya biznes-ehlity Rossii: 1998-2002 // Socis. 2002. № 8. S. 17-49.
24. Investicionnye strategii krupnogo biznesa i ehkonomika regionov / O.V. Kuznecova [i dr.] ; pod red. O.V. Kuznecovoj. M.: URSS: Izd-vo LKI, 2007. 439 s.
25. Chirikova A.E. Gosudarstvo i biznes: vzaimodejstvie na pole social'noj politiki v sovremennoj Rossii//Rossiya reformiruyushchayasya. 2012. № 11 S. 169-190.
26. Ykaovlev A.A. Evolyuciya strategij vzaimodejstviya biznesa i vlasti v rossijskoj ehkonomik Rossijskij zhurnal menedzhmenta. Tom 3, № 1. 2005. S. 27-52.

For referencing:

Elmurzaeva R.A. Vzaimodejstvie biznesa i gosudarstva: transformaciya «zahvata gosudarstva» [The interaction between business and government: transformation of "state capture"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 41, pp. 68–84.